

*В строительстве «Этажей» 13-й выпуск-этаж — особенный:
чертова дюжина!*

Именно поэтому черные кошки грациозно заняли свое место на полях журнала среди историй наших авторов о странных, необъяснимых происшествиях в их жизни, о склонности к суевериям и вере в приметы.

Мы попросили писателей и поэтов ответить на следующие вопросы:

- 1. Вы верите в приметы? Если да, то в какие? Какие применяете ритуалы, чтобы приметы не сработали?*
- 2. Вы верите в знаки свыше? О чем Вселенная говорит с вами?*
- 3. Самая странная, необъяснимая и мистическая история в вашей жизни.*

Спасибо! Ни пуха ни пера!

Людмила Улицкая

Знаков человек получает множество. Можно их видеть, интерпретировать, можно не обращать внимания. Это некоторая тайная книга, к которой не у каждого есть ключ. У меня вообще-то этот ключ был. Я и в снах понимаю. Но в какой-то момент своей жизни я сказала: нет, спасибо, не хочу. И меня перестали учить-вразумлять. Но не покинули. Иногда прошу помощи — не отказывают. Значит, не обиделись, что я отказалась. Я с этими силами в мире живу.

Числа много значат. Я их всегда замечаю, понимаю, различаю приятные и неприятные. Приятнейший для меня знак — семь. Вообще нечетные мне важнее, чем четные. Они содержательнее. Это довольно странно. Мой зодиакальный знак — Рыбы, знак парный, и, казалось бы, с четными числами у меня должны быть хорошие отношения...

Переводить содержание выпадающих чисел на человеческий язык не берусь. Когда число многозначное, всегда почти автоматически складываю все цифры. Есть методика простенькая. Когда сажусь в машину, смотрю на номерные знаки. На даты тоже обращаю внимание. Нет, поведение мое не меняется от того, 13 или 14 встречаются на моем пути. Но неприятная цифра все же настораживает.

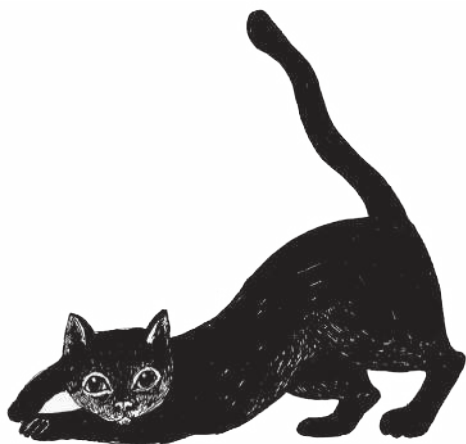
А вот номер моего домашнего телефона начинается цифрами 151 — мне это нравится. И дом 27, тоже неплохо. И квартира 95. Надо ли объяснять, что всюду сквозит семерка. Да и родилась я в 43-м году.

В иврите каждая буква соответствует цифре. Мне это очень понятно. Если бы я родилась евреем в 15-м веке, точно занималась бы каббалой. Цифра. Буква. Знак. Слово. Текст.

Я — текст. Ты — текст. Наше дитя — производное наших текстов. Кого вы спрашиваете? Я же генетик!

Вот вам стихотворение, написанное в 1985-м году. Я редко пишу стишки, этот случайно сохранился.

*Приснилось нынче мне число.
Оно ко мне благоволило,
В нем смысл был, была в нем сила,
И было это существо.
Оно не значило цифирь —
Оно скорее сообщало
Мне вести важные, и вишь
Меня куда-то развивало.
Я выростала как побег,
Я набухала и ветвилась,
Оно ко мне являло милость,
и под конец оно открылось —
сто тридцать семь.*

Проклятый 59-й

«Сделай так, чтобы это был мой троллейбус! Пожалуйста!» — с такой обожанной просьбой, в один из беспросветных декабрьских вечеров обратилась я к Вселенной, и Вселенная отвечала мне разбойничьим посвистом...

— А-ха-ха! — грохотала она над моей головой рекламным щитком, когда к остановке вновь и вновь подходил проклятый 59-й и, дружелюбно распахивая двери, забирал тех счастливиц, что были у Вселенной на хорошем счету.

— Ну пожалуйста... пожалуйста! — взывала я, и Вселенная посылая надежду: где-то там, на вершине Сокольнического моста ночную мглу вновь прорезал свет фар чего-то большего, чем пролетающие мимо автомобили...

— Пожалуйста! — повторяла я с воскресшей надеждой, — сделай так, чтобы это был мой!

И наконец, пропустив цепочку 59-х, которые, как известно, ходят друг за другом как в ночи, так и днем, чтобы не сбиться с маршрута, я наконец сдалась, и вошла в теплый пустой салон проклятого 59-го.

Этот был отставший от партии одиночка, совершенно потерявшийся в метели, и огни задних фар его каравана давно погасли в бездне воющей вьюги.

За окнами проклятого 59-го метель стирала проблесковые кресты круглосучных аптек, знакомые вывески и даже фонари. Троллейбус держался рогами за провода, прокладывая себе путь в черной воющей буре...

Но вот я различила приближающийся поворот, тот самый последний перекресток, с которого мне и проклятому 59-му предстояло следовать дальше разными дорогами. Ему на Север, мне тоже, хотя и на Юг, ибо Север был повсюду.

И в этот момент я вновь обратилась к Вселенной.

— Пожалуйста! — повторила я, ибо папа и мама учили меня всегда говорить «пожалуйста» перед просьбой, — пожалуйста! Сделай так, чтобы этот троллейбус не повернул... Пожалуйста! — горячо прибавила я, ибо папа и мама учили меня после каждой просьбы прибавлять к ней это Волшебное слово.

Однако волшебное слово не подействовало, троллейбус повернул, и я вышла.

Метель подхватила меня и понесла одним из маленьких вихрей, облепленных снежными пчелами.

Вселенная ликовала. Трудно было поверить, что все это Она затеяла, против меня одной, было совершенно непонятно, что такого могла я ей сделать, и тем не менее она ненавидела меня, а я ее. Я проклинала ее, она проклинала меня.

Я с ненавистью смотрела на нее, отплевываясь от снега. Она, взглядывалась в меня лунным глазом, и плевалась в ответ...

Я пробиралась домой. Вселенная, хохоча, отбрасывала меня на стены супермаркетов, однако вскоре мне пришлось в голову пробираться от фонаря к фонарю.

Так, отдав себя на волю стихии, я позволила Вселенной нести меня от столба до столба, и там, придерживаясь за бетонную мачту, я отдыхала, набирая воздух для нового перелета.

Не прошло и одной остановки, как Вселенная сама доставила меня к подъездной двери и беспомощно завывала, стараясь замести следы, свидетельствующие о моей хитрости и ее поражении.

И поскольку папа и мама учили меня всегда говорить спасибо, я сказала:
— Спасибо, Вселенная!

О приметах скажу — у меня их три.

Если к остановке подошел 59-й, за ним жди еще пять.

Если собирается дождь, лучше взять зонтик — и дождя не будет.

Если сейчас февраль — то за ним март. За мартом апрель, май, июнь, июль, август... Ну, сами знаете.

Думаю, у Вселенной свое расписание и свои планы на каждого из нас. Однако следует повнимательней относиться к ее знакам, ибо они есть. И это не число 13 или 59, не черный кот и не дама с пустым ведром.

Это опыт — свой собственный и тот, что накоплен до нас.

Повнимательней! Чтобы не вышло как в том анекдоте про тонущего, которому три раза высылают спасательную шлюпку, а он отвечает, что его спасет Господь.

Помню, этот несчастный утонул и, попав на небеса, обиженно спросил: «Отчего же ты не спас меня, Господи?» На что Господь ответил: «Дурак! Я же три раза посылал тебе спасательную шлюпку».

Верю в мечту, верю в любовь, верю в конечную справедливость всего. В разумность Вселенной. В то, что каждый человек приходит в жизнь не напрасно.

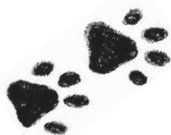
Как верю в людей, их разум и доброту.

Верю в то, что если грачи прилетели, они полетят назад только осенью, снега сойдут, и будет лето.

Самым счастливым событием в своей жизни считаю рождение сына; страшно даже подумать, что было бы, если бы в тот день, когда я по счастливой случайности познакомилась с его папой, я могла бы не выйти на улицу только потому, что в календаре день был назван тринадцатой пятницей.

И повторю, как учили меня мои дорогие мама и папа:

Спасибо, Вселенная!

Ирина Евса

Я не верю в приметы. Я верю в интуицию: возможно, Вселенная общается со мной именно этим способом.

А вот мистическая история в моей жизни была.

Осенью 1974-го нам принесли телеграмму; в ней сообщалось, что умер отец моего мужа. И дата похорон. Я не была с ним знакома; да и муж, надо сказать, мало что знал об отце, в первые же дни после окончания войны бросившем семью ради фронтовой медсестры, вместе с которой воевал. После этого он видел сына только раз.

Тем не менее, мы решили ехать.

В пять утра Таганрог встретил нас промозглой теменью. Накрапывал дождь. Через три дня мне должно было исполниться восемнадцать, и это были первые похороны в моей жизни. Мысль, что прямо сейчас мы зайдем в дом, где лежит мертвый человек, меня страшила, вгоняла в панику, и я легко уговорила мужа снять номер в гостинице. Из этого, разумеется, ничего не вышло: ни его журналистское удостоверение, ни стыдливое извлечение денег из кошелька на администратора не подействовало. «Мест нет». — Таков был ответ в каждой из трех попавшихся нам по пути гостиниц. Оставив эту бесплодную затею, мы решили побродить по городу, пока окончательно не рассветет: скажем, до девяти утра.

У нас был один зонт на двоих и — разумеется — ни плана, ни карты. Мы просто шли (бессмысленно и беспощадно), сворачивая то вправо, то влево.

Но на одном из перекрестков я вдруг застыла как вкопанная. «Послушай, — сказала я мужу, — вот эта улица мне хорошо знакома: если повернуть направо, увидим красный кирпичный дом. Трехэтажный. А за ним — двухэтажный желтый. И я точно знаю, что улица приведет к парку».

«Ты же говорила, что не была в Таганроге, — засомневался муж, — с чего бы тебе знать про эти дома?» — «Не знаю, — я только пожалала в ответ плечами, — может быть — в детстве?»

И мы повернули направо. И действительно обнаружили красный кирпичный дом. И — почти вплотную к нему — желтый. И дошли по этой улице до парка, в котором я точно уже бывала.

«Странно, — думала я, — как, будучи абсолютным географическим идиотом, не способным вычислить в темноте даже собственный дом, я смогла опознать то, что видела много лет назад, если действительно видела?»

Этот вопрос мучил меня весь обратный — из Таганрога в Харьков — путь. Мучил настолько, что, вернувшись, я тотчас же позвонила маме.

«Скажи, — спросила я, — мы были когда-нибудь в Таганроге? Ну, может, хоть пару часов, проездом?» Ответом мне было решительное «нет»: не заезжали, не ходили по улицам, не гуляли в парке. Короче, не были никогда.

Этой истории я не нашла объяснения до сих пор.

Зеркало

Из письма Васе

Вот ты, Вася, спрашиваешь, суеверный я или нет. А куда мне было деваться? Нет, Вася, скажи, куда, если у нас в городе это было чем-то вроде устной конституции? Или даже уголовного кодекса. Не суеверия, как ты мне тут выразился, а основной, так сказать, закон. А теперь я спрошу: можешь ты, Вася, нарушать конституцию с уголовным кодексом? Не можешь. Потому что тебя посадят. И я не мог. Посадить бы, конечно, не посадили, но из общества бы погнали, как бездомную собаку с соседнего двора, которая взяла себе за моду нападать на еще живых кур бывшего бандита Максимчука.

Что там было, в этой конституции? Ну, как это что? Например, то, что человек не должен кушать с ножа, потому что будет злой, как та же собака. Или, опять же, кушать из разбитой посуды, потому что может поломать себе всю жизнь. И некоторые таки поломали. Подушку на стол нельзя было класть, чтобы сосед не помер. А гребешок на столе — это точно голова заболит. Но больше всего верили (или суеверили, как ты выражаешься) в роковое действие зеркал. Ну, про то, что нельзя возвращаться в дом, не заглянув в зеркало, ты знаешь. Это все знают. Потому что не будет удачи. А то и вовсе под трамвай можно угодить. А это надо? Не надо.

Что еще, Вася, о зеркалах? Две женщины не должны смотреться в одно зеркало. Почему? Потому что будут любить одного мужчину. И хорошо еще, если он холостой. А вдруг у него маленькие дети? Они же не виноваты. То же самое и мужчины. Заглянут в одно и то же зеркало — и бедная будет та женщина.

Но еще один зеркальный запрет, конечно, сыграл со мной ту еще шутку. Или даже не шутку. Хорошенькая шутка, если я уже не знаю, как жить дальше. Дело в том, что нельзя смотреться в чужое зеркало. Ну, никак нельзя. А у меня своего собственного зеркала отродясь не было. И что было делать? Конечно, я заглядывал в зеркала, где ни попадаю. Надо же хоть иногда кудри причесать. Хоть раз в неделю. Или, например, побриться. И вот недавно, лет, скажем, несколько назад, когда хозяев не было дома, я злоупотребил. Понимаешь, да? Ну, в силу своей очередной бездомности, гостил я у приятелей. А они на базар поехали. Деликатеса, наверно, захотелось. Картошечки с лучком или даже огурчиков малосольных с укропом. Оно, кстати, Вася, неплохо идет, особенно под водочку. Ну, ты знаешь. В общем, времени — вагон. Глядись в то зеркало, пока не вернутся. Честно тебе скажу, Вася, я хоть и старался все наши суеверные городские заповеди соблюдать, но мало в них верил. А тут смотрел я в это зеркало, смотрел, и вдруг оттуда, из зеркала, стали выплывать всякие живые картины. И на всех — я. Только разный. В смысле, разный по возрасту. То совсем маленький, то юный и кудрявый,

то уже с залысинами. То в школу бегу, то в футбол играю, то от снарядов прячусь. Я. Везде я. С мамой, с товарищами, с сержантом. В общем, со всеми, с кем жил. Короче, в зазеркалье оказался.

Ты, наверно, не веришь. Ты, наверно, думаешь, что я изрядно выпил или просто так вру, на трезвую голову. А я не вру. И даже не придумываю, хотя ты меня можешь заподозрить, потому что меня все в чем-то подозревают. Просто я с тех пор так и живу в этом зеркале. Или за этим зеркалом. То ли я ушел от мира, то ли мир ушел от меня. И как тут не быть суеверным?

Впрочем, Вася, давай говорить прямо и начистоту. Что такое суеверие? Это та же вера, только не узаконенная. То есть некоторые веры узаконили и дали им названия. А эту не узаконили. Вот и вся разница. А много им тот официальный статус дал? Да, согласен, один смерть одолел. Но только один. Потому что был первым. И, наверно, последним. А я, может, первым в зеркало ушел. Больше никому пока не удалось. Потому и не верят. Или, как ты выражаешься, не суеверят. А я прошел. Потому что тоже был первым. Главное, Вася, всегда быть первым.

1. Во многие приметы я твердо верю. Например, если термометр за окошком показывает минус 20 — это к тому, что надо одеться потеплее. Если светофор горит красным — то переходить улицу опасно для жизни. Если выпить литр водки, то наутро с большой вероятностью будешь чувствовать себя самым препоганейшим образом. Или вот, к примеру, если в День сурка соответствующий зверек, выползая из норки, отбрасывает тень — весна выйдет теплая. С другой стороны, дружба с многочисленными черными котами и кошками ничуть не превратила меня в неудачника, а доставляла всем ее участникам изрядное удовольствие. Так что, очевидно, не во все приметы следует верить.

2. Сложный вопрос. С одной стороны, диплом химического факультета МГУ категорически запрещает мне верить во всякую там эзотерику и сверхъестественные явления («торсионные поля», «структурную память воды», «телепатию» и прочие современные сказки для малообразованной общественности). Возможно, некая высшая сила и посылает мне (как и всякому другому) какие-то сигналы, только разобрать их практически невозможно, поскольку эта высшая сила, подобно хозяину аквариума, видит цель существования декоративных рыбок совсем не в том, что они сами. Действительно, оглядываясь на прожитую жизнь, начинаешь подозревать, что она все-таки подчинялась, пускай и приблизительно, некоему плану. Вот, например, отвлекшись от этого текста, я поиграл в любимую компьютерную стрелялку под названием ЗУМА (это мексиканская жаба такая, плюющая разноцветными шариками), и в первом же туре выбил ровно 10 тысяч очков — впервые за все годы, что развлекаюсь подобным образом. Пришел в некоторый ступор. Поскольку вероятность даже менее круглой цифры ничтожно мала, то, может быть, это и был сигнал из потустороннего мира — чтобы я не слишком зазнавался? По секрету добавлю, что, не имея права, как ученая личность, поддаваться суевериям, я всякий раз смущаюсь, когда невинные цифры 666 вызывают у меня беспокойство и отталкивание.

А если серьезно — человечеству было бы очень обидно считать, что его существование случайно и бессмысленно. И вот уже много тысяч лет мы придумываем самые разнообразные нематериальные способы воздействовать на мир, обрести хоть какую-то уверенность в себе. Пещерный человек рисует охрой оленя на стенке своего убогого жилья, шаман вызывает дождь, знахарь заговаривает зубы, священнослужитель учит нас поклоняться какому-нибудь богу — Зевсу, допустим, или Кетцалькоатлю, а то и вовсе Перуну и Мокоши. Скучно быть сиротой, хочется найти родителей, пускай даже приемных, в данном случае — на небесах.

3. Мистические истории подобны снам — когда их переживаешь, они кажутся яркими и поразительными, но пересказу поддаются плохо, так что не буду тратить компьютерные пиксели на их описание. Скажу только, что да, бывали, и потрясали до глубины души своей красотой и необъяснимостью. И даже заставляли подозревать, что жизнь *несравненно* сложнее, чем нам, бедным, кажется.